

Марийка любит зиму. Как-то самоотверженно, до боли. Ей нравится, когда кончики волос становятся седыми, как у бабушки, а изо рта идет тёплый пар. Когда воздух в груди словно застывает и подходит к горлу твёрдым комком. Когда сотни маленьких иголочек пронизывают холодные руки на батарее. Но больше всего ей нравится всматриваться в ясное (на мороз!) ночное небо. Летом такого не бывает... Глубокое в своей чернильной дымке, с яркими, даже, кажется, колючими, звёздами, оно почему-то всегда пугает и интересуется Марийку. Как-то бабушка рассказывала ей, что звёзды — это глаза. Тех, кто умер, или тех, кто ещё не родился. Миллионы, миллиарды любопытных глаз! И все они видят тебя. Сонного, беспомощного.

“Поэтому и нужно на ночь завешивать окна. Чтобы никто на тебя не смотрел!” — командует проворная бабушка, когда обходит на ночь дом, подбирает неубранные вещи, закрывает ящики, поправляет скатерть. И неожиданно становится ласковой, старенькой-маленькой, когда гладит Марийкины волосы. А может и спеть тихо, если очень попросишь. Про старый сад, про войну, про Яся...

Марийка любит слушать те песни, хотя все уже знает, может повторить. На волнах бабушкиного надтреснутого голоса подплывает она близко-близко к звёздам. И видит, что самые большие из них — глаза существа, которое идёт по земле, а голова его — в облаках. Существо это доброе, Марийка чув-

стывает. И хочет её обнять. Да не может: девочка с ним в сравнении — крохотная, раздавит ещё. Существо идёт себе упорно через заснеженное поле. За ночь надо обойти всю землю, посмотреть, хорошо ли людям живётся. Месяц цепляется за ветки, снега наметает всё больше. А зимний бог не останавливается...

То, что это он, Марийка поняла сразу. В школе им рассказывали о каком-то Зюзе, белом старичке, боге холода и морозов, которого представляли себе предки. Ходит он босой по дворам, стучит в стены колотушкой, насыплет метелей и стужи. А ещё — они вместе с мамой молились тому Богу, что на иконах. Он красивый, худой, серьёзный и про всех всё знает. “Он тебя любит”, — часто повторяет мама. А ещё говорит, что Бог может быть огнём, птицей, мыслью. Бог — в каждом из нас. Почему же тогда нет Бога в снеге, ветре, звезде? Значит, есть он! Огромный, добрый, вездесущий. Весной — он уже другой. Летом, осенью... Но снится Марийке только зимний. Зимний бог не раз защищал её...

Когда погиб Марийкин папа, стоял душный, дождливый май. Отец поехал снова в командировку. Часто стали отпрашивать. И внезапно. Мама тогда шутила, что не успевает ему пирожков испечь. А когда уезжал — долго стояла у закрытых дверей, тайком вытирала слёзы. Но, как ни странно, когда провожала в последнюю командировку, была весёлой, шустрой. Напевала что-то, гладила папин костюм. Кокетливо поправляла волосы. Папа обещал, что по возвращении отвезет её в Одессу, на место их знакомства. Дата какая подходит — пятнадцать лет вместе! И мама ждала. Вплоть до того дня, когда не услышала новости по телевизору. “Взрыв в метро. Двадцать человек в тяжёлом состоянии, семеро погибли на месте”...

То, что происходило после, Марийка помнит смутно. Бесконечные звонки, слёзы, незнакомые люди в квартире. Соболезнования, венки, незнакомый запах, который чувствует, кажется, и сейчас...

“Хорошо держалась девочка на похоронах, свечу из рук не выпускала, и личико такое серьёзное — как будто всё понимает!” — говорила потом незнакомая Марийке женщина, папина троюродная сестра. Только почему “как будто”? Она ведь и действительно всё поняла. Что если папу засыпают землёй, то больше никогда он не придёт домой, не принесёт Марийке сахарного петушка или мандаринов. Не пригласит маму на танец — они так любили! Не проругает за “двойку” и не похвалит за красивый рисунок. Никогда! И от этого страшного слова щекочет в носу, пересыхает в горле и хочется сбежать куда-то далеко от всех этих добреньких, которые жалеют “бедную сиротку”. И Марийка часто сбегала. С уроков, от незнакомых тётюшек, от подруг, которые не понимают, почему ты не смеёшься с ними... Так прошёл май, длинное печальное лето, осень без папы на линейке и на родительском собрании.

А мама... Мама тоже стала другой. Тихой, понурой, невнимательной. Она часто забывала помыть посуду, приготовить ужин, сводить Марийку на тренировку. Сидела всё время в своей комнате и невидящими глазами смотрела на экран телевизора без звука. “Не мешай!” — отвечала сердито дочери на её просьбы. А потом вместе с ней плакала и просила прощения.

Немного легче стало только зимой. Когда приехала сестра мамы. Весёлая, большая, но очень подвижная тётя Тамара. Она Марийку не жалела. А наоборот: и за плохое поведение могла хлёстко отчитать, и прибратъся во всей квартире заставить. Но — беззлобно. Всё с шуточками, с кнутом и пряником. А какие интересные истории рассказывала! О своей молодости, о студенческих приключениях, о знаменитых друзьях-художниках. Ведь и сама тётя училась на художницу. И громкие выставки у неё были, и признание... Забросила после это — бизнес, семейные заботы. Да только талант остаётся! Вот и учила Марийку рисовать зимние пейзажи, яблоки на блюде, туфельки на пёстром коврикее...

Мама с ней тоже как-то ожила, повеселела. Начала снова готовить свои фирменные котлеты и пироги. Возвращаться раньше с работы. Сходила даже как-то с сестрой в кино. И все вместе они готовились к Новому году. Правда, мама обмолвилась как-то, что не следовало бы в этом году отмечать.

Но тётя Тамара — тут же в крик: “Ты что, у родной дочери единственную радость хочешь отнять?” И мама перестала возражать.

31 декабря мама с тётей куда-то таинственно исчезли. Марийка сидела одиноко в празднично убранной комнате и ждала. Час, два, три... Сначала спокойно рисовала снежных коней, читала книжку, слушала музыку. Потом не на шутку разволновалась. “А если и с мамой что-то случилось? Если я останусь совсем одна?” — тревожные мысли гудели в голове назойливыми мухами, не давали успокоиться. Она несколько раз подошла к двери, ждала: вот-вот должна открыться. Затем бежала к окну и всматривалась до боли в глазах в заснеженный, с искусственной ёлочкой двор. НИКОГО! Только гнетущая тишина квартиры звенела...

“Мама, приходи! Мама, приходи!” — начала уже вслух произносить напуганная Марийка. И тут — вспомнила вдруг о нём. Большом, добром, всемогущем. Зимний бог! Он ведь и сейчас смотрит на неё — уже появились на вечернем небе первые звёзды... Мгновение — и маленькая, хрупкая Марийка забралась на широкий подоконник. “Бог, добрый бог, верни мою маму! Я никогда не буду ссориться с ней! Я буду помогать! Я исправлю все отметки...” — не выдержав, девочка горько, безутешно рыдалась.

— Доченька, что ты там делаешь? — мама на ходу срывала шарф, подбегая к окну. — Как ты меня напугала!

— А ты — меня! — отвечала заплаканная, но счастливая Марийка.

Тем временем из прихожей послышался какой-то шорох и тихое повизгивание.

— Кто это там? — взволнованно спросила Марийка, предчувствуя большую радость.

— Кто-кто? Твой новый друг. Как назовёшь? — отозвалась тётя Тамара и внесла в комнату смешного неуклюжего щенка.

...Ральф рос не по дням, а по часам. Болел, правда, немного. Но это для щенят обычное дело. Марийка терпеливо давала ему капли и витамины, вычёсывала. Заботы о собаке сблизили девочку с матерью. Она тоже полюбила сообразительного пса. И не могла сдержатъ смеха, когда видела новые Ральфовы шалости. Уже через месяц собака весело носилась по двору, перепрыгивая снежные сугробы. Марийке даже завидовали друзья: какой друг-красавец у неё есть! А Ральф и правда вырос в большого, с блестящей чёрной шерстью лабрадора. Умел лапу подать и как будто с весёлой улыбкой вглядывался в глаза людей. Если Марийка иногда скулала, приходил к ней и клал на колени голову, искренне сочувствовал. Летом ходил с девочкой на речку, плавал, ловил мяч в воде, а потом смешно чихал и отряхивался на берегу.

Но вот снова настал сентябрь. Марийка, серьёзная, взрослая, шла в седьмой класс. Добавили к обычному расписанию новые предметы, удлинился школьный день. Временами, когда дочь готовилась к серьёзным контрольным и писала сочинения, с Ральфом ходила гулять мама. И вот с одной из таких прогулок мать пришла поздно, растрёпанная и взволнованная, с дрожащими руками.

— Мама, что случилось? Где Ральф? — закричала Марийка.

Мама подошла к столу, горестно обняла дочурку.

— Прости, родная, Ральфа больше нет. Я виновата, не уберегла, — зашлась мать в невыносимых рыданиях.

Оказалось, что она не удержала сильного пса на поводке, и тот выбежал на проезжую часть как раз перед огромной фурой.

В ту ночь у Марийки от потрясения поднялась температура. Врачи в больнице сказали, что у девочки нервный срыв, назначили лекарства. Дома Марийка смотрела в потолок невидящими глазами и ничего не говорила. Даже когда выздоровела, в школе почти перестала разговаривать с друзьями, закрылась, отвечала только на вопросы учителя на уроке. Мама страшно переживала, звонила часто тёте Тамаре, бабушке, советовалась, что делать с дочерью.

— Что же тут удивительного? — сочувственно отвечала бабушка. — Девочка за свою короткую жизнь столько горя пережила. Добротой её нужно лечить, добротой. Привози ко мне на зимние каникулы, постараюсь внучку порадовать.

...Марийка лежит в тёплой постели в деревенском доме, слышит, как бабушка гремит ложкой, и постепенно проникает в её комнату пряный, волнующий запах рождественского пирога. Он заставляет немедленно встать, побежать на кухню.

— Что тебе не спится, не лежится? — с улыбкой спрашивает румяная от огня в печи бабушка. — Отдохнула бы, пока пирог спечётся, потом на службу пойдём. В церкви сейчас, знаешь, как красиво! И все радуются, потому что наш Спаситель родился.

Бабушка и внучка идут по глубокому снегу. Вокруг — красота! Заснеженные лапки елей так и норовят ухватить за воротник, в небе из-за прозрачного облачка выглядывает месяц, горят празднично окна домов. Марийка любит заглядывать в них, видеть весёлые лица, пёстрое убранство комнат. А бабушка всё рассказывает удивительные истории про Вифлеемскую звезду и мудрых волхвов... В церкви тепло, мерно потрескивают свечи. Марийка ставит свою, купленную на собранные деньги, свечу — за упокой папиной души. Слушает торжественную службу, рассматривает иконы и начинает потихоньку дремать. Бабушка это замечает и тихо говорит:

— Ну, пошли-пошли, моя помощница дорогая. Утомилась ты за день.

...На волнах бабушкиного голоса долетает Марийка до чернильных небес и видит заветные большие глаза.

— Боже, почему я теряю самых дорогих? — спрашивает испуганно Марийка.

— Больше не будешь! Предрекаю тебе счастливую жизнь, — громко и уверенно отвечает зимний бог. И спешит, спешит дальше через сказочный лес...

I WANT TO BREAK FREE*

— Привет! Так что, идём сегодня?

— Хэлоу! Конечно! На проспекте, в семь.

— Сигареты бери, тонкие!

— Хорошо, они со мной.

Таня решительно откладывает тетрадь с надоевшей химией, включает "I want to break free" и открывает большой шкаф. Из его просторного нутра летят измятые платья, джинсы, кофточки... Вот та, с блестящими нитями, в которой была на дне рождения Вадима. Он тогда проводил её домой... Вот юбка мамы, которую "украли" втихую и не возвращает. Что надеть сегодня? Диана пригласит на прогулку своих знакомых. "Ну, знаешь, серьёзные уже мужчины, с тачками. Не то что эти, соляки..." Тане так хочется стать своей в Дианиной тусовке. И это хорошо получается. А при её многолетней репутации "ботанки" — так и вовсе большая победа. Правда, ребята всё больше клянутся к Диане, но и её берут с собой! В кафе или клубы. Даже маму после долгих ссор смогла убедить, что можно возвращаться и после одиннадцати. Не шуточки — школу дочка заканчивает!

...В узких джинсах, короткой кофточке, курточке с малиновой опушкой Таня выбегает-таки из дома. Опаздывает, едва успевает прыгнуть в автобус — и едет уже спокойно на проспект. Люди возвращаются с работы — её тётя тоже.

— Таня, а в таком постреле (это она о куртке, конечно) не холодно будет?

— Нет, тётя Света, я только к репетитору — и домой...

Сама же бежит к их привычному месту встречи — городскому парку, что у проспекта Мира. Диана пьёт кофе из пластикового стаканчика и курит, не дождавшись тонких... Таня, прячась за деревьями, берёт у подруги зажигалку и пускает дым в скучное зимнее небо.

— Эх, хорошо как! Хоть расслабимся сегодня. Мать достала уже об экзаменах напоминать.

* "I Want to Break Free" (с англ. "Я хочу освободиться") — песня английской рок-группы "Queen" из альбома "The Works".

— И не говори... А ко мне сегодня снова физик клеился, представляешь?

Я пишу на доске, а он рукой моей водит, чтоб на мел сильнее нажимала. И тут — классуха в дверь. А он же ей нравится! И глазами как сверкнёт!

— Ох, не видать тебе хорошей оценки по русскому!

— Ничего, провёмся!

Разговор прерывает визг тормозов. Возле парка приостанавливается чёрное авто, громкая музыка нарушает тишину.

— Красавицы, едем или как?

Таня и Диана искусственно смеются, слушают байки мужиков (а те и вправду — мужики, лет ладно за тридцать). Неудобно и страшновато, но и отказываться уже не приходится. Один из них, Паша-Паштет, огромный, в кожаной куртке, с золотой “печаткой” на пальце, обнимает Таню на заднем сиденье. От него пахнет резким одеколоном и коньяком. Хочется снять руку — да где там!

Вскоре они подъезжают к серой многоэтажке в новом районе. За ней уже — лес, где Таня гуляла как-то с родителями в детстве. Потеряла там новую куклу и проплакала всю дорогу домой...

В лифте Паша и Артём (такой же крепкий и решительный) как-то странно переглядываются, молча улыбаются. В квартире начинаются шутки, на столе появляется вино, а девушки помогают нарезать закуски. За столом Таня немного успокаивается. Мужчины смотрят телевизор, спрашивают о том, где подруги учатся, куда ходят в свободное время. Они, конечно, придумывают... Об университете, подработках, знакомых. И складно выходит, легенда уже давно придумана. А бокалы наполняются в очередной раз. Голова становится тяжёлой, а мысли, наоборот, — весёлыми и невесомыми.

— Я курить на балкон. Таня, пошли со мной, — зовёт настойчиво Паштет.

Снег снова идёт с тяжёлого лилового неба. Ветер воев в щелях окна. Хорошо, что они дома... А на балконе длинными рядами стоят заготовки: капуста, огурцы, лечо... Перехватывая взгляд девушки, Паша с улыбкой замечает:

— Это мама передаёт. Мне, такому бейбусу. Всё малым считает, значит. Но хорошо заходит! Вот на прошлую встречу выпускников взял — все заценили. Пятнадцать лет как школу окончили...

Затем тушит сигарету и сильно, уверенно прижимает Таню к себе, впирается в губы. Тане хочется нежности, а он нагло лезет под одежду, зажимает в угол. Вырвавшись, девушка решительно возвращается в комнату. На диване целуются Диана и Артём. Страстно, жарко.

— Я, пожалуй, пойду, — растерянно говорит Таня. — Ключи от квартиры забыла, надо заехать забрать. А то поздно будет...

Паштет настойчиво просит остаться, предлагает переночевать у него, сердится. Таня будто не замечает. Медленно завязывая шарф, ожидает, что её хотя бы проводят. Но разъярённый хозяин и не собирается.

...Таня подходит к остановке. Ветер срывает старую афишу летних гастролей цирка. Пёстрая бумажка теряется в колпачей темноте. Автобус в её сторону уже, конечно, не ходит. Закрывая лицо от снежной крупы, девушка двигается мелкими перебежками. Ничего-ничего, каких-то минут двадцать — и дома. Пройти тихонько, чтобы не разбудить маму, уснуть, забыть этот дурацкий вечер, неприятный поцелуй, небрежные касания...

Слёзы на глазах высыхают быстро. И месяц выглядывает из-за облаков молодой и резкий. В квадратике света на полу будто играют мелкие мушки... По стенам бегут странные тени. Хорошо лежать в постели и мечтать. О том, что завтра всё будет иначе...

Перевод с белорусского автора